

Та пара глаз, подобная черному обсидиану, полная тревоги и ожидания, была устремлена на Чжоу Цзылана, и это зрелище не могло не тронуть.

Чжоу Цзылан на мгновение замер. Оказывается, он налил ему чаю.

— Конечно, я не против, — Чжоу Цзылан расслабил брови, одарил ученика легкой улыбкой и протянул руку, чтобы принять чашку.

Однако, увидев две практически идентичные чашки с чаем, он почувствовал, как улыбка на лице начинает предательски дрожать.

Да какого черта, какая из них отравлена?!

Чжоу Цзылан замешкался, и Шан Сюань даже показал признаки разочарования:

— Учитель, неужели вы настолько брезгуете учеником, что так колеблетесь и не хотите принимать чай, который я для вас налил?

Его вид был настолько жалким, что казалось, стоит Чжоу Цзылану лишь кивнуть, как он тут же расплачется.

Чжоу Цзылан стиснул зубы и, делая вид, что спокоен, покачал головой:

— Учитель просто раздумывал, какая из чашек налита тобой. Не хотелось бы ошибиться и пренебречь твоей сыновней почтительностью.

Едва он закончил говорить, Шан Сюань протянул ему левую руку и застенчиво улыбнулся:

— Вот эта.

Чжоу Цзылан помедлил, внимательно изучил выражение лица Шан Сюаня и, убедившись, что тот не лжет, принял чашку.

Хотя в книге у Шан Сюаня были искажены моральные принципы и он затаил глубокую обиду на весь мир, по отношению к Лан Юэ он на ранних этапах все еще сохранял долю искренности. В конце концов, все, что делал Лан Юэ, даже читатели считали проявлением подлинной заботы о Шан Сюане.

Так что он не должен его обманывать... верно?

Чжоу Цзылан не был уверен, но решил рискнуть.

Он задержал взгляд на чае, помедлил долю секунды, сделал глубокий вдох и под пристальным наблюдением Шан Сюаня залпом осушил чашку.

Шан Сюань тоже поднес свою чашку к губам, прикрывая ею злорадную ухмылку, и выпил чай.

Затем он с невозмутимым видом забрал пустую чашку у Чжоу Цзылана, повернулся и поставил её на стол.

Постояв немного с опущенным взглядом, он внезапно обернулся и с интересом посмотрел на Чжоу Цзылана, который уже скрылся за ширмой, оставив лишь смутный силуэт. Шан Сюань неторопливо произнес:

— Учитель, я только что вспомнил: та чашка, что я дал вам, была налита вами самими.

Чжоу Цзылан: ??

Чжоу Цзылан, уже успевший раздеться и погрузиться в бочку с водой, чуть не подскочил на месте, а его голос дрожал:

— Что... что ты сказал? Ты хочешь сказать, что дал мне ту чашку, которую я налил сам?

— Именно так, учитель, — Шан Сюань улыбнулся с явной злобой, и даже в его тоне слышался густой вызов и предвкушение зрелища.

Но сейчас Чжоу Цзылану было не до него. Он метался, словно муравей на раскаленной сковороде, и был готов взвыть от отчаяния. Он лихорадочно открыл личное пространство Лан Юэ, пытаясь найти противоядие.

Черт возьми, какой прок от всей этой кучи снадобий для повышения уровня совершенствования!

Совершенствование — это не то, что можно взять и поднять по щелчку пальцев. Ты хоть понимаешь, что это все равно что вытягивать ростки, чтобы они быстрее росли?!

Чжоу Цзылан превратился в воплощение паники.

До этого он только и думал, как бы отравить Шан Сюаня, и даже не подумал об антидоте. Он даже не знал, что это за яд — просто увидел на маленьком пузырьке надпись «не употреблять внутрь».

Раз есть яд, должны же быть хоть какие-то противоядия?

Чжоу Цзылан долго искал, но ничего не нашел. Немного подумав, он поспешно крикнул:

— Шан Сюань!

Услышав зов, Шан Сюань с усмешкой, которая не стала для него неожиданностью, не спеша подошел к ширме. Он увидел человека, который сидел в бочке, совершенно нагой, погрузившись в воду по грудь.

Честно говоря, кожа его достопочтенного учителя могла поспорить с женской — белая и упругая, она выглядела донельзя соблазнительно в клубах пара.

Но взгляд Шан Сюаня остался холодным. С той же злорадной улыбкой он подошел к Чжоу Цзылану со спины.

Он протянул руку и слегка коснулся его плеча. Теплая, влажная кожа на ощупь напоминала лучший бараний жир.

Шан Сюань наклонился и прошептал ему на ухо, понизив голос:

— Учитель, может, вам помочь искупаться?

Демоны лучше всех умеют соблазнять, и даже если в их глазах нет ни капли похоти, каждое слово и движение могут легко разжечь в глубине души желание. Тем более Шан Сюань — верховный владыка демонов.

Однако перед ним был Чжоу Цзылан, у которого, кроме денег и собственной жизни, не осталось никаких желаний.

Чжоу Цзылан подавил в себе желание пнуть Шан Сюаня и произнес с тревогой:

— Быстро отправляйся на гору Яошань к бессмертной Лянь Цзи. Скажи ей, что учителю стало плохо, пусть она немедленно придет.

— Плохо? — Шан Сюань приподнял бровь, и его прохладные пальцы медленно заскользили по коже плеча Чжоу Цзылана, вызывая волны зуда. — Где именно вам плохо, учитель? Если вы не объясните, я не смогу передать бессмертной Лянь Цзи, чтобы она могла оценить ваше состояние.

А ведь это правда.

Чжоу Цзылан слегка нахмурился, незаметно уклонившись от руки Шан Сюаня, и заявил с

важным видом:

— Я обнаружил, что получил внутренние повреждения во время прохождения небесной кары. Если не начать лечение немедленно, моя жизнь будет висеть на волоске!

Он сказал это так серьезно, что Шан Сюань должен был немедленно броситься за помощью!

Но нет!

Шан Сюань не только не ушел, но и подался вперед, вглядываясь в лицо Чжоу Цзылана, покрасневшее от пара.

Смыв с лица грязь, Чжоу Цзылан действительно выглядел прекрасно — это была красота, превосходящая женскую и соперничающая с мужской. Шан Сюань и раньше знал об этом, разделяя мнение многих на континенте Цинлуань, что учитель — существо священное и неприкосновенное.

Но сейчас Шан Сюаню почему-то показалось, что эта святость покрылась тонким слоем пыли, став еще более желанной и недоступной.

Если бы можно было низвергнуть это высокомерное божество в бездонную грязь ада, а затем жестоко выбросить, заставив испить чашу унижения до дна — это был бы неплохой способ пытки.

Пока Шан Сюань размышлял об этом, его пальцы снова потянулись к плечу Чжоу Цзылана.

Не успел он ничего сказать, как Чжоу Цзылан, не выдержав, схватил его за руку и прорычал сквозь зубы:

— Хватит играть! Бегом за человеком!

Если он не придет, я здесь и коньки отброшу!

Взгляд Шан Сюаня замер.

Он скользнул по встревоженному лицу Чжоу Цзылана, едва заметно приподнял бровь, но особого удивления не выказал. Лан Юэ, кроме совершенствования, ничем не интересовался, и если бы его можно было так легко соблазнить, он не был бы тем подонком, которого знал Шан Сюань.

Он перехватил руку Чжоу Цзылана, оперся на край бочки и, приблизившись к самому уху,

хрипло прошептал:

— Учитель не знает, но я немного сведущ в медицине. Почему бы мне не осмотреть вас?

Мозг Чжоу Цзылана, затуманенный паникой, на секунду отключился. Он моргнул длинными ресницами, влажными от пара, и, слегка повернув голову, посмотрел на него. На его красивом лице медленно возник немой вопрос:

— Когда это ты успел обучиться медицине, почему я не знаю?

Он ведь прочитал весь роман от корки до корки... нет, до самой глубокой концовки! Что касается финала, то автор просто бросил фразу «яма слишком глубока, чтобы её засыпать» и перестал обновлять книгу, из-за чего Чжоу Цзылан в ярости написал десяток гневных комментариев.

Так что он прекрасно знал, что умеет Шан Сюань, а чего нет! В книге ни разу не упоминалось, что он владеет медициной. В его голове была лишь одна мысль: повышать уровень, убивать, убивать и убивать.

Заставить демонического тирана с искаженной психикой спасать людей?

Это все равно что заставить свинью лезть на дерево!

Однако реакция Чжоу Цзылана привлекла внимание Шан Сюаня. Его черные глаза едва заметно сузились:

— Учитель... знает обо мне?

Разве не говорили, что Лан Юэ просто проезжал мимо клана Шан, когда спускался с горы, и не знал ничего о его прошлом? Почему же сейчас реакция Лан Юэ выглядит так, будто он знает его уже очень давно?

Неужели Лан Юэ даже перед самой смертью от пыток скрывал что-то, о чем он не догадывался?

Стоило этой мысли зародиться в душе, как в глубине глаз Шан Сюаня вспыхнул неконтролируемый алый свет. Он источал ярость и раздражение, но при этом неотрывно смотрел на Чжоу Цзылана, пытаясь прочитать что-то на его лице.

<http://bllate.org/book/18914/1849446>